

UNITED WISDOM

Предпочитаемое и необходимое в стоической этике

Свобода и действие

Andrey Zarinsh & Maria Evilkut

A-02-N01 · RU

@andrey.zarinsh @ilkutki

Предпочитаемое и необходимое в стоической этике

Эпиграф

> *«Ни благо, ни зло»*

Цицерон, *О пределах добра и зла*, III.53: короткий фрагмент речи Катона о предпочитаемом; собственный перевод с английской версии H. Rackham. Прочитанное место.

О чём эта статья

Человеку нужен исправный инструмент, свободное время или ответ другого человека, чтобы выполнить определённую работу. Однако из этого не следует, что без такого условия он лишается нравственного достоинства. Стоическое различие между благом и предпочитаемым помогает поставить эти два вопроса раздельно. Его часто передают слишком резко: если здоровье, достаток и известность не являются благом в строгом смысле, будто бы заботиться о них незачем. В прочитанной третьей книге Цицерона такая равнодушная позиция прямо оспаривается. Мы рассмотрим речь Катона о ценности внешних условий, разумном выборе и поступке, которому можно дать обоснование. Затем проверим различие на условном небольшом издательском деле. Здесь необходимое для задачи не становится необходимым для ценности человека, а желательный результат не освобождает от вопроса о средствах. Это философское исследование, не финансовое, медицинское или профессиональное руководство.

I. Для чего именно это необходимо

Представим человека, который добровольно готовит небольшую подборку текстов для знакомой группы. Он хочет сделать её удобной для чтения, проверить опечатки и передать участникам к согласованной дате. Для печатного варианта нужны бумага, доступ к принтеру и некоторое время. Когда принтер перестаёт работать, человек говорит, что теперь всё потеряно. Но пока установлено более узкое обстоятельство: прежний способ выпуска в прежний срок оказался под вопросом. Содержание работы, договорённость о сроке и оценка самого человека ещё требуют отдельных суждений.

Слово необходимо всегда нуждается в дополнении. Бумага необходима для бумажного экземпляра; определённое помещение может быть необходимо для встречи в выбранном формате. Это зависимость между условием и конкретной задачей. Она не

доказывает, что тот же ресурс необходим для всякой полезной деятельности, а тем более для права человека на уважение. Если дополнение исчезает, техническое ограничение незаметно становится общим приговором: без этого у меня нет ничего. Для такого вывода уже не хватает первоначальных сведений.

Различить вопросы можно без притворства, что препятствие несущественно. Участники действительно могли рассчитывать на печатную подборку. Изменение формата способно создать неудобство, а несвоевременное сообщение о нём — дополнительную трудность. Поэтому человеку придётся проверить договорённость и рассказать о препятствии. Но он может сделать это, не объявляя неисправность оборудования нравственным поражением. Внешнее условие остаётся важным для дела, хотя не получает права определять целиком его достоинство или качество каждого возможного поступка.

Такой способ уточнения не является готовым стоическим учением во всём его объёме. Это наш ограниченный вход в историческое различие: необходимое для исполнения одной формы и благо как предмет нравственного рассуждения не обозначают одно и то же. Их совпадение надо доказывать, а не предполагать из силы желания. Человек вправе сожалеть о недоступном варианте и одновременно искать более точное описание того, что теперь возможно, чего он обещал и какой выбор остаётся за ним.

II. Кто говорит в прочитанном источнике

В третьей книге *О пределах добра и зла* стоическую позицию излагает Катон, участник диалога Цицерона. Это важно для атрибуции. Мы читаем литературно построенную философскую речь, а не стенограмму современной беседы и не безусловное личное одобрение Цицероном каждой стоической формулы. Из выбранных разделов можно установить содержание представленного аргумента; они не позволяют объявить всех стоиков единодушными по любому частному вопросу. Сам текст показывает различия внутри обсуждаемой школы, например в отношении доброй славы.

В III.43–49 речь сопоставляет стоический и перипатетический подходы к благу и счастью. В стоическом изложении нравственное достоинство не увеличивается простым прибавлением телесных преимуществ. В III.50 появляется необходимое продолжение: между внешними вещами всё же существуют различия, иначе у мудрости не осталось бы предмета выбора. Поэтому признать нравственное единственным благом здесь не означает объявить все условия одинаковыми. Рассуждение сохраняет пространство для предпочтения, отказа и объяснения того, почему одно условие выбирают перед другим.

Наше чтение ограничено выбранными III.43–59 и ранее прочитанным вступительным контекстом этой книги. Английский текст обозначен как перевод H. Rackham в издании Loeb; он опубликован на LacusCurtius. Мы не выдаём его за собственную сверку

латинской рукописной традиции. Русская передача коротких цитат выполнена для этой статьи. Источник предлагает философскую систему и её аргументы, а не измеренные сведения о том, насколько читатели после знакомства с ней становятся спокойнее или успешнее.

Это ограничение не уменьшает значения вопроса. Оно определяет, какого ответа следует ждать. Мы можем исследовать, как различение меняет основание выбора в условной ситуации. Мы не можем обещать, что оно устранит переживание утраты, исправит материальное положение или заменит помощь специалиста. Сильный античный идеал требует точной атрибуции; современная сцена требует отдельной ответственности за её условия. Между ними допустима продуманная аналогия, но не незаметное превращение древней нормы в доказанный эффект.

III. Предпочтение сохраняется после различения

В III.51 среди вещей, имеющих ценность, названы здоровье, сохранность чувств, отсутствие боли, известность и достаток. В прочитанном аргументе они дают основания для предпочтения, хотя не составляют нравственное благо в том же строгом смысле. Это техническое различие не следует переводить словом безразличие в его повседневном значении. В разговоре безразличным называют того, кто не видит разницы или не хочет заботиться. Здесь, напротив, различия сохранены и служат материалом разумного выбора.

В нашей условной работе исправный принтер предпочтительнее сломанного, если нужен бумажный выпуск. Достаточное время для проверки текста предпочтительнее поспешности. Человеку не нужно доказывать независимость от внешнего, специально выбирая неудобство. Однако предпочтение не превращается в приказ получить желаемое любой ценой. Оно отвечает на вопрос о подходящем условии, а не заранее оправдывает способ его приобретения. Можно хотеть удобства и одновременно отвергнуть обман, давление или присвоение чужого ресурса ради него.

Предположим, знакомый может предоставить оборудование, но не обещал этого. Его возможность пользоваться принтером не является нашим правом распоряжаться им. Даже если чужое согласие сделало бы задачу проще, нужно сначала получить это согласие и уточнить предел использования. Неудача такой просьбы изменит доступные средства. Она сама по себе не означает, что просьба была недостойной или что знакомый обязан исправить положение. Предпочтительное условие остаётся предметом возможного соглашения, а не скрытой обязанностью другого человека.

Отсюда не следует, что все современные обязанности выводятся из одной стоической категории. Договорённости, правила организации и действующие права проверяются по

своим основаниям. Но философское различие помогает заметить конкретную подмену: я предпочитаю этот исход, следовательно, другие должны его обеспечить. Между этими частями нет автоматического перехода. Его отсутствие позволяет сохранить и серьёзность задачи, и границу чужого участия. Забота о результате становится точнее, когда желание не занимает место уже полученного разрешения.

IV. Ценность условия зависит от его роли

В III.56 предпочитаемое разделено по основаниям предпочтения: некоторые вещи ценятся сами по себе, некоторые — за производимый результат, а некоторые — в обоих отношениях. Деньги в выбранном изложении приведены как средство, тогда как сохранные чувства и здоровье имеют также собственную ценность в указанной системе. Для нас здесь важна форма вопроса: зачем выбирается условие? Она мешает обращаться с любым желательным предметом так, будто его название уже завершило нравственное обсуждение.

В издательской сцене дорогой способ оформления может быть желателен потому, что человек любит его внешний вид. Другой вариант может быть менее эффектным, но удобнее для тех, кому предстоит читать. Разница между ними требует сведений об участниках и назначении подборки. Если человек заранее решает, что престижный вид всегда лучше, он подменяет проверяемую задачу собственным предпочтением. Если же он объявляет красоту пустяком для всех, он столь же поспешно стирает возможную ценность оформления.

Нужно уточнить, чью задачу должно выполнить решение. Возможно, группа хочет получить рабочую копию с крупным шрифтом; возможно, ей важен подарок в определённом формате. Это разные условия, и они не устанавливаются нашим предположением о вкусах других людей. При возможности стоит спросить участников и сохранить обнаруженное расхождение. Тогда выбор не обязан выглядеть универсальным. Его достаточно обосновать применительно к нынешнему делу, известным потребностям и действительно доступным средствам, не превращая их в единую лестницу достоинства.

Такое уточнение допускает пересмотр. Предмет мог казаться полезным, пока не выяснилось, что он затрудняет чтение или требует несогласованного труда. Отказ от первоначального варианта тогда не обязательно является слабостью. Он может следовать из новых сведений о его роли. Статья не утверждает, что подобная проверка непременно даст лучший результат. Её узкое назначение — сделать видимым основание, на котором предпочтение возникло и на котором его можно оспорить, изменить или оставить в силе.

V. Обоснование поступка и образ безошибочного человека

В III.58–59 обсуждается надлежащее действие: действие, для которого можно представить разумное основание. В тексте оно отличено от совершенного нравственного поступка стоического мудреца. Эта разница не позволяет считать любой внешне удачный шаг доказательством завершённой добродетели. Возврат доверенного предмета приводится как действие, которое может иметь разные нравственные основания. Видимое совпадение действия ещё не сообщает, почему оно совершено и насколько последовательно человек понимает своё обязательство.

Нам не требуется объявлять участника издательского дела мудрецом, чтобы спросить об основании его шага. Он может сообщить группе о задержке, потому что действительно считает её существенной для остальных. Он может сделать то же самое только из опасения, что вскоре задержку обнаружат. Практический результат сообщения способен совпасть; отношение к собственной ответственности — различаться. Мы не знаем чужого мотива без достаточных сведений и не предлагаем угадывать его. Но собственное объяснение можно проверить на соответствие тому, что человек фактически делает.

Например, он говорит, что хочет сохранить свободу участников выбрать формат, однако предлагает им только один вариант и скрывает доступную альтернативу. Здесь противоречие можно рассмотреть без приговора всей личности. Достаточно сопоставить названное основание с предоставленной возможностью выбора. Исправление касается конкретного действия: раскрыть известную альтернативу, назвать ограничение и не выдавать собственное предпочтение за решение группы. Сам факт исправления не доказывает нравственного совершенства; он лишь меняет нынешний поступок и сведения, доступные другим.

Надлежащее действие в исторической системе нельзя полностью заменить современным правилом хорошо объясняй свои решения. Объяснение бывает убедительным на словах и недостаточным по существу. Поэтому наша ограниченная проверка спрашивает также о правдивости основания, согласии затронутых людей и фактических условиях. Она сохраняет различие между разумным доводом и оправданием задним числом. Чем сильнее хочется защитить красивый образ себя, тем полезнее оставить возможность признать, что прежнее объяснение не выдерживает именно этой проверки.

VI. Внешний результат остаётся существенным для других

Разделение нравственного блага и внешнего результата иногда используют так, будто последствия поступка уже не заслуживают внимания. Но если подборку обещали к определённому дню, участники могли построить на этом свои планы. Не получить желаемое самому и создать неудобство другим — разные обстоятельства. Стоическая категория не даёт разрешения забыть второе. После неисправности принтера остаётся вопрос о сообщении, пересмотре обещания и возможной помощи тем, кто рассчитывал на прежнюю договорённость.

Представим, что один участник может читать только бумажный вариант в предложенном месте. Электронная замена тогда не обязательно сохраняет доступ. Нельзя установить её достаточность по одному признаку, что текст теперь существует. Потребуется проверить действительную возможность человека воспользоваться им. Здесь статья не выводит универсального стандарта доступности из античного диалога. Она предлагает более узкое нравственное наблюдение: наше удобное решение способно оставить чужую задачу нерешённой, даже если собственный труд кажется завершённым и честным.

При этом неизвестное ограничение нельзя превращать в выдуманный рассказ об участнике. Если его потребности не выяснены, следует так и сказать. При доступном и уместном вопросе можно уточнить, какой формат подходит, не требуя раскрытия личной истории. У человека остаётся право не объяснять больше, чем нужно для текущего выбора. Предпочтение результата должно учитывать эту границу: хорошее намерение не предоставляет права собирать дополнительные сведения ради убедительности собственного нравственного отчёта перед группой или перед собой.

Таким образом, внешние вещи имеют неодинаковую роль для разных людей. То, что одному кажется приятным дополнением, для другого может оказаться условием участия в конкретном деле. Это не превращает внешний ресурс в абсолютное нравственное благо стоической системы. Но это мешает распоряжаться техническим словом как универсальным ответом на чужую трудность. Разумный выбор требует внимания к обстоятельствам, а не только способности произнести правильную категорию. Категория помогает поставить вопрос; ответ приходится проверять в самом деле.

VII. Утрата предпочтительного не становится испытанием на достоинство

Человек может испытывать сожаление, раздражение или страх, когда важное условие исчезает. Из философского различения не следует требование немедленно перестать это чувствовать. Исторический стоический идеал следует описывать честно, но нельзя выдавать наше упражнение за проверку того, достиг ли его читатель. Если человек продолжает переживать из-за задержки, это ещё не доказывает ни нравственной испорченности, ни неверного понимания текста. Статья не устанавливает нормативную скорость, с которой необходимо обрести спокойствие после утраты.

Особенно опасно применять техническое различие к другому как упрёк. Можно напомнить ему, что внешний предмет не является благом в строгом стоическом смысле, и тем самым уклониться от обещанной помощи. Тогда философская формула скрывает нашу собственную обязанность. Прежде чем обсуждать отношение человека к утрате, стоит проверить, что именно мы обещали, что можем выполнить и какую часть трудности создали сами. Чужая реакция не отменяет автоматически этих вопросов и не делает нашу прежнюю договорённость несущественной.

В условной сцене автор подборки вправе признать, что переживает из-за невозможности закончить работу в выбранном виде. Он также вправе попросить практической помощи, не представляя просьбу признанием собственной ничтожности. Получить помощь не всегда возможно; её отсутствие требует отдельного решения о работе. Между этими событиями не возникает автоматической шкалы: справился один — достоин, обратился к другому — недостоин. Такая шкала не следует из выбранных разделов и противоречит нашему различению задачи и ценности человека.

Если обсуждение усиливает самоуничижение или мешает решать доступный вопрос, упражнение можно прекратить. При реальной угрозе, тяжёлом состоянии или профессиональной проблеме нужны соответствующие обстоятельствам поддержка и компетенция. Философская запись не заменяет их. Её возможный результат скромнее: заметить место, где отсутствие внешнего условия стало недоказанным приговором, и снова разделить эти утверждения. Она не обязана сопровождаться приятным чувством, чтобы оставаться точной, и не оправдывает продолжение любой ценой.

VIII. Конкурирующие предпочтения не решаются одним ярлыком

Иногда приходится выбирать между двумя внешними условиями, каждое из которых имеет основание. Автор хочет закончить подборку вовремя и сохранить достаточно времени для проверки. Участники хотят получить её удобно и без дополнительного труда. Объявить всё это предпочитаемым недостаточно, чтобы установить порядок решения. Нужно узнать, какие обещания уже даны, какие последствия известны, что действительно можно изменить и чьё согласие потребуется. Одна философская классификация не выполняет этой фактической работы за человека.

Допустим, прежний срок сохранится только при помощи знакомого, который должен отказаться от собственного плана. Можно обратиться к нему с просьбой, точно назвав её объём. Но нельзя скрыть цену помощи под словами об общем благе. Если он откажется, придётся пересмотреть решение с учётом отказа. Разумный выбор не означает, что любой предпочтительный исход достижим. Он также не требует изображать отказ несуществующим ради сохранения собственного обещания, которое было дано без подтверждённого доступа к чужому ресурсу.

Нравственный вопрос здесь касается того, как человек обходится с конфликтом условий. Он может признать недостаток своего планирования, сообщить группе правдивые сведения и предложить обсуждение доступного изменения. Он может скрыть препятствие и заставить другого исправлять его под давлением. Оба пути способны внешне закончиться печатной подборкой. Поэтому сам полученный предмет ещё не завершает оценки. Предпочтительность результата не делает равноценными способы, которыми он достигнут, и не освобождает от рассмотрения нанесённого другим неудобства.

Эта проверка не устанавливает арифметику всех нравственных конфликтов. У нас нет основания вывести из прочитанного универсальный порядок для любых обязательств. В конкретном случае можно честно обозначить, какие вопросы ещё открыты и кто участвует в решении. Неопределённость не равна отказу думать. Она может быть точным состоянием знания, пока сведения или согласие не получены. Признать её иногда ответственнее, чем объявить один предпочитаемый исход единственно необходимым и затем подчинить ему остальные обстоятельства.

IX. Исправление касается основания, а не только результата

Если подборка всё же выходит, человек может решить, что теперь все прежние затруднения оправданы. Но результат не стирает способ его достижения. Если знакомого заставили помочь, если участникам скрыли доступную альтернативу или если задержку переложили на другого без оснований, эти действия остаются предметом рассмотрения. Успех полезен для задачи, однако он не превращает недостоверное сообщение в правдивое. Стоическое различие особенно существенно там, где желаемая вещь уже получена и кажется удобным прекратить вопросы.

Исправление может начинаться с конкретного признания: я сообщил срок, не проверив ресурс; я назвал выбор группы, хотя решение было моим; я не рассказал о доступной замене. Такой язык ограничивает утверждение тем, что действительно известно. Он не требует публичного самоосуждения во всех отношениях и не обещает, что остальные сразу примут объяснение. Участники могут сохранить собственную оценку случившегося. Их право на неё не исчезает от того, что автор точнее понял философскую категорию или признал ошибку.

Далее имеет смысл спросить о возможном исправлении последствий, если это уместно и доступно. Иногда можно предоставить недостающий вариант, иногда — изменить будущую договорённость, иногда — только уточнить неверное сообщение. Ни один из этих шагов не следует придумывать вместо реальных возможностей. Признание ограниченного ресурса может быть частью честного действия. Оно не освобождает от существующей обязанности, но позволяет отличить доступную часть исправления от обещания, которое снова потребовало бы неподтверждённого времени, согласия или чужого труда.

Завершение такой проверки не обязано совпадать с восстановлением прежнего образа себя. Человек может остаться недовольным поступком и всё же яснее понимать следующий шаг. Наш вопрос касается основания выбора и его отношения к делу. Он не требует получить одобрение всех присутствующих как окончательное свидетельство исправленности. Одобрение может быть желательным внешним ответом, но превращение его в непременное условие честности снова смешало бы категории, ради различения которых началось исследование.

X. Важность вещи и свобода нравственного вопроса

Стоическое предпочитаемое не обозначает вещь, которую следует перестать замечать. В выбранном изложении внешние условия дают материал для выбора, а разумному действию можно представить основание. Одновременно нравственное благо не складывается из простого накопления удобств. Эти стороны нужно удерживать вместе. Если оставить только независимость от внешнего, исчезает внимание к делу и другим людям. Если оставить только ценность условия, желательный предмет получает власть оправдывать любой способ его получения и определять целиком достоинство человека.

В нашей сцене бумажная подборка действительно может быть нужна для конкретного участия. Поэтому следует серьёзно проверить формат, срок и доступ. Но печатный экземпляр не доказывает сам по себе правдивости автора, а неисправный принтер не доказывает его недостоинства. Нравственный вопрос остаётся открытым для рассмотрения поступка: как он сообщил о трудности, учёл чужой ответ, объяснил выбор и исправил собственную ошибку. Важность внешнего условия сохраняется, не превращаясь в единственный масштаб этой оценки.

Такой подход не решает за читателя, чем именно следует пожертвовать. Он возвращает различие между предметом заботы, условием конкретной работы и основанием действия. Человек может выбрать предпочтительное, признать недоступное и отказаться от недостойного средства без необходимости изображать всё одинаковым. Если решение пока неизвестно, можно сохранить открытый вопрос и границу знания. Нравственное рассуждение не обязано завершаться благоприятным исходом, чтобы требовать правдивости; благоприятный исход не делает эту правдивость лишней после окончания дела.

Что это значит на практике

Если уместно, выберите одно небольшое добровольное дело, где желательный ресурс стал казаться условием собственной ценности. Не используйте для упражнения опасную, тяжёлую или требующую специальной помощи ситуацию. Упражнение можно пропустить или остановить; оно не является испытанием стойкости и не требует раскрывать другим личные сведения.

Запишите, для какой конкретной формы работы ресурс необходим. Затем отдельно назовите, почему вы предпочитаете его и какие сведения подтверждают это основание. Не подменяйте неизвестные потребности других своим предположением. Если доступен уместный вопрос, уточните необходимое для текущего выбора; если нет, сохраните ограничение знания.

Отделите желательный результат от способа его получения. Проверьте уже данные обещания, требуемое согласие и возможную цену для затронутых людей. Выберите один доступный шаг или признайте, что сейчас такого шага нет. Не обещайте исправление, для которого не подтверждены средства. Возможный итог записи — более точное различение задачи и нравственного основания, без гарантии спокойствия, успеха или всеобщего одобрения.

Если позднее условия изменятся, возвращаться к записи необязательно. При желании можно проверить только одно прежнее основание: сохранилась ли его фактическая опора или появились новые сведения? Это не требует повторять всё рассуждение и снова оценивать себя целиком. Достаточно обозначить изменение конкретного решения, если оно действительно нужно для дела и доступно без нового давления на себя или других.

Ключевая цитата

> *«Можно дать обоснование»*

Цицерон, *О пределах добра и зла*, III.58, фрагмент речи Катона о разумности надлежащего действия; собственный перевод с H. Rackham. Это часть философского определения, а не подтверждение правильности всякого объяснения. Прочитанное место.

Связи между традициями

Вопрос	Прочитанная опора	Сопоставление	Граница
Ценность внешнего условия	Цицерон, III.50–56, речь Катона	Стоическое благо отличается от предпочитаемого, но выбор между условиями сохраняется.	Это изложение определённой школы в диалоге, не согласие всех античных традиций.
Обоснование действия	Цицерон, III.58–59; наше условное издательское дело	Можно отдельно рассмотреть нужный ресурс и основание поступка.	Современные обязанности, права и доступность не выводятся из одного античного определения.

Внешнее межрелигиозное тождество и историческое влияние не утверждаются. Сравнение ограничено прочитанным философским аргументом и обозначенной редакционной аналогией.

Первоисточники

1. **Цицерон. О пределах добра и зла / De Finibus, III.43–59.** Английский перевод H. Rackham, Loeb Classical Library,1931, цифровая передача LacusCurtius. Выбранные разделы и вступительный контекст книги прочитаны; весь трактат и латинская критическая традиция не заявляются прочитанными. Стоическую позицию излагает Катон в диалоге. Текст. Маркировка страницы указывает общественное достояние для этой версии; универсальные права и импорт полного текста отдельно не подтверждены.

Теги

стоицизм, Цицерон, Катон, предпочитаемое, необходимое, благо, добродетель, ценность, выбор, основание, поступок, ответственность, условие, ресурс, цель, средство, согласие, обязательство, результат, достоинство, безразличное, надлежащее действие, договорённость, доступ, ошибка, исправление, неопределённость, правдивость, нравственная философия, граница

Про авторов

Andrey Zarinsh — автор и основатель проекта United Wisdom. Исследует темы внутренней трансформации, единства традиций, межкультурного диалога и современной духовной дисциплины. Instagram: @andrey.zarinsh.

Maria Evilkut — соавтор United Wisdom. Помимо исследовательской работы, она стремится проверять эти идеи на практике и наблюдать, как принципы единства и взаимопонимания работают в реальной жизни между людьми и культурами. Instagram: @ilkutki.